

Сын графа А. К. Разумовского и крестьянки.

Получил хорошее домашнее образование. Учился в Московском университете, получив по окончании его степень доктора философских и словесных наук. Перевёл на немецкий язык «Бедную Лизу» Николая Карамзина.

В 1812 году, вопреки воле отца, ушёл добровольцем в действующую армию — в чине штаб-ротмистра он был зачислен в 3-й Украинский казачий полк. Участвовал во многих сражениях.

После выхода в отставку поселился в Петербурге, вошёл в среду арзамасцев, был избран в члены Вольного общества любителей российской словесности. Заботился о воспитании и образовании своего племянника Алексея Толстого, родившегося в 1817 (вскоре после рождения Алексея его мать, сестра Перовского, оставила мужа).. Среди знакомых Перовского этого времени был и Пушкин. Перовский явился одним из самых активных защитников молодого автора.

После смерти отца поселился в имении Погорельцы (Сосницкий уезд Черниговской губернии), где жил с сестрой и племянником А. К. Толстым. Написал там повести «Двойник, или Мои вечера в Малороссии», опубликованные под псевдонимом Антоний Погорельский (от названия имения).

«Двойник» — сборник четырёх новелл, объединённых рамочным сюжетом, связан, прежде всего, с немецкой фантастической традицией («Серapiоновы братья» Гофмана) и предвосхищал «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя и «Русские ночи» В. Ф. Одоевского. Есть в цикле много и от готического романа. Фантастическая повесть «Лафертовская маковница» (опубликована отдельно в 1825) вызвала восторженную оценку Пушкина, который позже процитировал её в своём «Гробовщике».

В 1829 году Погорельский опубликовал прославившую его сказку «Чёрная курица, или Подземные жители», написанную для племянника Алёши — чуть ли не первую в истории русской литературы книгу о детстве.

Окончательно выйдя в отставку в 1830 году, Перовский всецело посвятил себя воспитанию племянника, ездил с ним по Италии и общался там с К. П. Брюлловым и С. А. Соболевским, затем много ездил по России, вновь встречался с Пушкиным. Скончался от туберкулёза по дороге в Ниццу, куда направлялся на лечение. Похоронен на Вольском православном кладбище в Варшаве.

230 лет со дня рождения

Алексей Алексеевич ПЕРОВСКИЙ (псевдоним Антоний Погорельский; — русский писатель. Дядя Алексея Толстого и братьев Алексея и Владимира Жемчужниковых.

Изидор и Анюта

Уже неприятель приближался к Москве. Длинные ряды телег, нагруженных тяжелоранеными воинами, медленно тянулись в город с большой Смоленской дороги. Разного рода повозки, наполненные рыдающими женщинами и детьми, тихо подвигались к заставе; кверху и к бокам, под козлами и на запятках привязаны были большие узлы. На всех лицах написана была сердечная горесть, — на многих жестокое отчаяние. Здесь мать, прижав грудного младенца к трепещущему сердцу и ведя за руку малютку, едва начинающего ходить, влечётся за другими, сама не зная куда... Там дряхлый старик, опираясь на посох, с трудом передвигает ослабевшие ноги. Подходя к заставе, он останавливается... ещё раз взглядывает на родной город, где думал спокойно умереть... Купцы теснятся около лавок — не для спасения своего имущества, нет: рука их, не дрогнув, уничтожает плоды многолетних трудов, чтоб не достались они врагу ненавистному. Все вооружены; старинные копыя и бердыши, разнообразные сабли и кинжалы исторгнуты из оружейных, где обречены были на вечное бездействие. Все готовы умереть за отечество; но чувствуют, что не в силах ему помочь! Единственным утешением служит им слабая надежда, что неприятель отражён будет от Москвы. В самом деле, мысль, что древняя русская столица с величественными храмами, с святыми иконами достанется неприятелю, — эта ужасная мысль не может утвердиться в народе. Русское сердце не постигает, каким образом нечестивый супостат осмелится вступить в священные царские чертоги!

Был первый час пополудни, когда въезжал в Дорогомиловскую заставу молодой кирасирский офицер. По всему видно было, что он скакал несколько верст во всю прыть; вороной под ним конь покрыт был пеною. Молодой офицер ехал по улицам, кипящим от народа, и взоры его, казалось, кого-то искали между спасающимися женщинами.

В Красном Селе, в приходе Тихвинской Божией Матери, стоял небольшой деревянный дом, который можно было назвать хижиною, если бы он не находился внутри города. Молодой кирасир вошёл в первую комнату, хотел идти далее... вдруг отворилась дверь, и прекрасная девушка кинулась в его объятия.

— Это ты, Изидор? — сказала она в радостном восторге, — слава Богу!

— Анюта, милая, дорогая Анюта! — вскричал Изидор, прижимая её к кирасу, — зачем вы ещё в Москве? где матушка?

— Тише, Изидор, тише!.., матушка нездорова... она — очень больна. Изидор вздрогнул.

— Больна! — произнёс он дрожащим голосом. — Больна! и в такое время!.. Ты знаешь, Анюта...

— Знаю, мой Изидор, — отвечала Анюта со слезами, — знаю, что неприятель будет в Москве, и отчаяние овладело было мною... Но ты с нами, и я теперь спокойна!

Они услышали голос матери, зовущий Анюту. Изидор хотел идти с нею, но она его остановила.

— Ради Бога! — сказала она, — подожди

меня здесь, Изидор! Матушка очень слаба; надобно её приготовить к свиданию с тобою. — Она ушла и оставила его одного.

Изидор, сложив руки, стоял среди комнаты, погружённый в тяжкую думу. Мысли, одна другой печальнее, теснились в его голове: неприятель вступит в город, а его мать больна и не может спастись! Анюта должна остаться с нею!.. Он любил мать со всею горячностью доброго сына; но Анюта, сирота, воспитанная в их доме, была его невеста! Он содрогался от ужаса, когда помышлял, что больная его мать будет в руках неприятеля; но кровь застыла в его жилах, самое мучительное чувство раздирало его сердце, когда представлялась ему Анюта, прелестная Анюта, во власти неистового врага!

Анюта позвала его к матери. Старушка лежала в постеле; бледность покрывала лицо её. С трудом протянула она к нему руку.

— Сын мой, — сказала она умирающим голосом, — благодарю Создателя, что мне довелось тебя ещё раз увидеть!.. Я не ожидала такого счастья. По крайней мере теперь умру спокойно... Анюта останется не без защитника. Да благословит вас Бог, мои дети!..

Старушка не в силах была говорить более. Изидор орошал слезами её руку; Анюта рыдала.

Изидор находился в мучительном положении. Нельзя было и думать о спасении престарелой матери. Он готов был вынести её на себе из города, но малейшее движение причиняло ей нестерпимую боль и могло погасить едва тлеющую искру жизни. С другой стороны, как решиться оставить её в руках неприятеля? и что тогда будет с Анютою?..

— Анюта! — говорил Изидор, — думала ли ты об опасностях, которым подвергается молодая девушка, оставаясь в Москве? Знаешь ли ты, что при одной мысли о том холодный пот проступает по мне? Как? моя Анюта в руках неприятелей!.. Я бы лучше согласился...

— Любезный Изидор! — отвечала Анюта с невинною улыбкою, — я теперь совершенно спокойна, потому что ты со мною.

Изидор страшился объявить ей, что служба, долг, честь не позволяют ему оставаться с ними; он сказал только, тяжело вздохнув:

— Могу ли я защитить тебя против целой армии? Охотно пожертвую жизнью; но когда меня не станет, что будет тогда?..

Старушка приклонила голову к подушке и, казалось, от сильного напряжения лишилась чувств. Изидор подошел к Анюте.

— Друг мой! — сказал он едва внятным голосом, — ты видишь, что мне должно ехать! Завтра, прежде, нежели заря осветит печальную Москву, я удалюсь от вас... Анюта! не забывай, что ты моя!..

Потом он приблизился к матери.

— Матушка! — произнес он, приложив дрожащие уста к её руке, — матушка, не кляните вашего сына! Я еду!..

...Старушка не в силах была ему отвечать, но слабая рука её благословила любезного сына и потом, как мёртвая, опустила на одеяло.

Бедная Анюта не говорила ни слова...

...Вдоль по Новой Басманной скакал молодой кирасирский офицер, сопровождаемый несколькими казаками. Во-

роной конь его нёсся во всю прыть прямо к Ехалову мосту. На груди офицера блистал Георгиевский крест; рука его, ещё не исцеленная от тяжёлой раны, была перевязана. Он не обращал никакого внимания на развалины Москвы, на разбросанные по улицам трупы... взоры его стремились прямо вперед. Подъехав к церкви Тихвинской Божией Матери, он остановился, и изумлённый взор его блуждал по всем сторонам. Он соскочил с лошади и пристальнее стал всматриваться в место, на котором находился. "Здесь, — думал он, --приходская наша церковь; тут — они жили!.."

Тщетно, бедный Изидор! тщетно будешь ты искать родительского дома! Свиное пламя давно пожрало мирную хижину, где проводил ты счастливые дни юности, и осенние ветры успели уже развеять и пепел её!.. Изидор долго стоял как вкопанный на одном месте. Вдруг громко вскрикнул он и бросился к высокому дереву, простиравшему к нему длинные обгорелые ветви. Он узнал клён, осенявший последнее свидание его с Анютою, и без чувств упал на землю. Бывшие с ним казаки подняли его и отнесли в дом, уцелевший от общего пожара.

Там пролежал он целый день в беспомощности. Когда наступила ночь, он встал и, не сказав никому ни слова, вышел из дому и поспешными шагами пошёл к своему саду. Один из товарищей его последовал за ним. Изидор подошел к клёну. В это время выглянула из-за тучи луна, и при бледном свете её видно было, что он с изумлением отскочил назад, как будто встретил что-то неожиданное! Потом он опять приблизился к дереву.

— Это ты, Анюта? — сказал он томным и вместе радостным голосом. — Отчего платье твое облито кровью?.. Где кинжал?

Ветер ударил в сухие ветви высокого клена — и в шорохе ветвей, и в свисте ветра товарищу Изидора послышался голос, отвечающий: "В моём сердце!.."

Изидор глубоко вздохнул.

— Сядь подле меня, Анюта! — сказал он, опускаясь на дерновую скамью. — Я рад, что тебя вижу...

Таким образом провёл он несколько дней. Пока солнце светило на горизонте, он спокойно оставался дома, не говорил ни с кем, но иногда улыбался, когда товарищи его ласкали и изъявляли участие в судьбе его... Но как скоро наставала ночь, то невозможно было удержать его; он спешил к любезному своему клёну. Товарищи, любившие храброго и доброго Изидора, попеременно стерегли его и всякий раз слышали, что он с кем-то разговаривает. Иногда рылся он между сгоревшими бревнами — оставшимися на том месте, где прежде стоял дом, — и как будто чего-то искал. Однажды (это было в четвёртый день после вступления россиян в Москву) товарищ его, по обыкновению, подошёл к нему на рассвете, чтоб проводить его домой. Изидор неподвижно сидел под клёном... Глаза его ещё были открыты, но душа уже оставила бранный свой жилище. Окостеневшая рука его держала заржавленный кинжал... Перед ним лежал полуистлевший человеческий череп...

(в сокращении)